Ближайшие причины реформации. Проф. И. И. Герцог в переводе проф. А. П. Лопухина

В 1506 году в Риме началось строительство нового храма апостола Петра, который на месте построенного Константином Великим должен был стать центром христианского мира, средоточием римского католицизма, живым воплощением мирового владычества христианского Рима. В то время, как римские иерархи лелеяли эту гордую мысль и шли к её осуществлению, в западном мире подготовлялся переворот, который в своём роде превзошёл всё, что доселе переживал этот мир. Если в XI веке произошло разделение между православным греческим и римско-католическим мирами, то теперь в начале XVI века последовал великий раздел, собственно, в римско-католическом мире. «Реформация — этот великий всемирно-исторический переворот — потрясла не только весь земной круг, не только полностью изменила всё положение Европы, но и породила новейшее время с его своеобразными особенностями; в области духа она вызвала к жизни новый способ бытия и деятельности». В этом смысле высказывается один писатель, вполне знакомый с историей реформации. Переворот этот имел большое значение для пробуждения христианского настроения в страдавших от римской тирании народах. Но в связи с нею стоит и критический дух, который с течением времени стал нападать на самые основы положительного христианства, и если раньше преобладало крайнее стремление к централизации, то теперь пробудилось крайнее стремление к индивидуальному бытию, стремление, которое даёт о себе знать в резкой обособленности различных исповеданий. Потрясение реформацией более всего испытала в своих недрах римско-католическая церковь, но даже и греческая церковь не могла полностью устраниться от впечатления, произведённого этим переворотом. Но сила переворота особенно почувствовалась, конечно, со стороны римско-католического мира. Рядом с тем, что мы обыкновенно называем реформацией, стоит и то, что можно назвать собственно римско-католической реформацией, которая идёт дальше простой

реакции и на данной основе создаёт нечто новое, «почин к нему сделан был в тех различных явлениях, которые уже явно давали о себе знать в рассмотренном дореформационном периоде римского католицизма».

Происхождению реформации содействовали различные причины. В историческом исследовании требуется, конечно, отыскать главную причину, к которой примыкают и второстепенные. К главному источнику движения примыкали и важные притоки. Собственно источник этого движения был вполне религиозного свойства, и без него никогда бы не совершилась реформация. Главнейшая причина заключалась в том, что в крайнем развитии римского католицизма совершенно затемнялось истинное воззрение на оправдание, воззрение, находившее себе проявление во всевозможных злоупотреблениях индульгенциями и другими формами искажённой церковно-религиозной жизни. И вот, случилось, что, когда злоупотребление индульгенциями достигло высшей степени развития, оно пришло в столкновение с человеком, который, пройдя всеми кривыми путями латинского монашества, круто порешил найти исход из поглощавшей его бездны заблуждения.

В начале XVI века европейский и особенно немецкий христианский мир, уже давно привыкший ко всевозможным злоупотреблениям, был глубоко возмущаем бесстыдством продавцов индульгенций. В 1513 году на папский престол вступил Лев X, который, происходя из дома Медичи, унаследовал от него любовь к наукам и был в общем человек, преданный роскоши, недалёкий, довольно распущенный, но не совсем злобный. Он крайне нуждался в деньгах, частично для того, чтобы продолжать начатое при Юлии II новое здание храма Петра, частично для того, чтобы покупать дорогие манускрипты классических писателей, а частично для того, чтобы достать приданое для своей сестры Маргариты. Для всего этого он пользовался индульгенциями. По его повелению, продавцы индульгенций наводняли своим товаром особенно Германию и высасывали её. Прибыль, конечно, вся препровождалась в Рим, при этом собранные деньги насмешливо назывались там peccata Germanorum, «грехами немцев». Промышленность эта была точно определена и предоставлена различным комиссиям, которые охватывали собой различные страны. Во главе одной из этих комиссий стоял архиепископ Альбрехт майнцский и магдебургский, который, подобно папе, был любителем искусства и литературы, хотя и столь же мало был духовно настроенным человеком, как и сам папа Лев. Он напоминал собой Медичи также и в отношении преданности роскоши и нужды в деньгах. Тогда он именно находился в больших денежных затруднениях, так как обязался отнести издержки за архиепископский паллий не на счёт архиепископии майнцской, которая уже несколько раз подвергалась подобным расходам, а на свой собственный счёт. С этой целью он занял у известного торгового дома Фуггеров в Аугсбурге, Ротшильдов своего времени, 30 000 гульденов. Долг этот он решил покрыть прибылью от торговли индульгенциями. За производство этой торговли Альбрехту предоставлена была половина поступающих денег.

Латинская церковь превосходно умеет придавать совершающимся в ней злоупотреблениям известный ослеплявший неопытных блеск и подавляемую истину заменять художественной, обольщающей чувство пышностью. В одной инструкции к низшим уполномоченным архиепископ объяснял, что собственно даёт индульгенция: во-первых, полное прощение всех грехов, возвращение божественной благодати, освобождение от чистилищного огня; во-вторых, освободительную грамоту, которая давала возможность владельцу избирать себе, по желанию,

духовника, который мог прощать преступления и наказания и мог переводить какие-либо принятые обеты на другие добрые дела. Третья предоставляемая индульгенцией привилегия состоит в участии во всех благах церкви, в молитвах, паломничествах и других добрых делах всех членов церкви. В-четвёртых, ею приобретается для душ умерших и находящихся в чистилище полное отпущение их грехов. Тем не менее, при этом, по объяснению проповедников, индульгенция не давала освобождения от полного покаяния, и они продолжали требовать «сокрушения сердца и исповеди»; отменялось только satisfactio operis, или скорее обычное удовлетворение заменялось другим, и с древнего времени уже вошло в обычай в качестве подобного удовлетворения предписывать милостыню церквам. Но, во всяком случае, собственно прощение греха делалось зависимым от внутреннего нравственного поведения только в теории, но едва ли в практике, так как при этом всячески избегали более точного определения отношения между прощением или примирением с Богом — и отпущением земных наказаний (так как речь была только об этих последних, а не о вечных). На другие покупаемые преимущества, именно на пользование добрыми делами других, не налагалось никаких ограничений. Равным образом вполне было естественно, что нельзя было наложить никаких нравственных ограничений и на покупку индульгенций в пользу умерших. Учреждение это в деле духовника должно было наносить ущерб полезному церковному учреждению, так как легкомысленным грешникам этим давалось право избегать своего духовника, знакомого с их делами, и получать отпущение там, где это было всего легче.

Альбрехт, естественно, позаботился найти для промышленности индульгенциями наиболее подходящего человека. Некоторые утверждают, что августинские монахи, к которым принадлежал Лютер, не прочь были взяться за дело в качестве подручных торговцев и продавцов индульгенций. Но, по более точному исследованию, они никогда не имели в виду принять на себя эту торговлю. Вследствие этого между ними и доминиканцами, взявшими на себя эту торговлю, не было никакой зависти. Не обнаруживали никакой охоты к этому ремеслу и францисканцы. Тогда архиепископ обратил своё внимание на одного доминиканца, бакалавра богословия, Тецеля из Лейпцига, который уже с 1502 года исполнял различные другие служебные дела и оказывался весьма бойким рыночным торговцем. Максимилиан I хотел утопить его в Инсбруке за то, что он соблазнил одну женщину к прелюбодеянию. Но за него походатайствовал курфюрст Фридрих Мудрый и этим спас ему жизнь. Альбрехт для своего нечистого промысла не мог бы найти лучшего человека. И действительно, Тецель, получив это подходящее для него дело, занялся им усердно и по приближении ко всякому городу повсюду смело провозглашал, что пред воротами города находится благодать Бога и святого отца, что и служило введением к пышному приёму. После этого начиналась проповедь об индульгенции, в которой говорилось, что папа имеет безусловное право прощать грехи живых и мёртвых, что папская индульгенция имеет ту же силу, как и крест Христов, что как только в ящике монетка зазвенит, так душа (из чистилища) на небо взлетит. При этом, конечно, раздавались ещё и более наглые речи, именно, что папа мог за деньги, заплаченные за индульгенцию, простить даже плотский грех по отношению к Божьей Матери. От подобной кощунственной речи он, как известно, отказывался и доказывал, что она, по крайней мере в Галле, не была произнесена им. Но для суждения о его личности вполне достаточно и того, что исторически известно, касательно его личности и деятельности. Объехав другие места, он осенью 1517 года приближался к Виттенбергу через Петербург, куда навстречу ему многие прибыли из самого Виттенберга. Это и

подало повод к столкновению его с Лютером, и это столкновение послужило началом реформации. Но и реформация всё-таки была бы невозможной, если бы в том, с кем Тецелю пришлось встретиться по должности, не совершилось предварительно внутреннего преобразования. Через это только Лютер и получил стремление и способность сделаться реформатором и извне.

При воззрении Лютера неудивительно, что торговля Тецеля должна была глубоко возмутить его. Известие о ней он получил ещё весной 1516 года, когда Тецель занимался своим промыслом ещё в окрестностях Мейссена, ещё раньше, чем он поступил на службу архиепископа Альбрехта. К лету того же года относится и первая проповедь Лютера об индульгенциях. Осенью 1517 года Тецель уже приближался к Виттенбергу. Много народа стекалось к нему в Ютербург, Цербст и другие места. Лютер слышал о тех возмутительных проповедях, с которыми этот бесстыдный монах обращался к народу, заявляя, что сила индульгенции так же велика, как и сила Христа, что он имеет поручение от самого ап. Петра, что своими индульгенциями он спас больше душ, чем даже ап. Пётр своей проповедью. Теперь Лютер впервые узнал, что этот великий шарлатан действовал от имени архиепископа магдебургского. Вскоре затем Лютер во время исповеди мог познакомиться и с плодами этой возмутительной промышленности. Некоторые лица, приходившие к нему на исповедь, показывали ему индульгенцию, когда он требовал от них прекращения своих грехов. По народному представлению покупка индульгенции давала право безнаказанно грешить. Лютер уже в качестве душепастыря считал себя в праве бороться против этого злоупотребления. При этом случилось и то, что многие друзья и даже лица, ему незнакомые, устно и письменно просили его высказать им своё мнение касательно индульгенций. Это было тем понятнее, что церковь доселе не высказала никакого определённого учения об индульгенции. Самые выдающиеся богословы средних веков не давали никакого определённого решения по этому спорному вопросу. Таким образом, Лютер чувствовал себя в праве выступить с своим мнением по этому делу и в качестве учителя-богослова, и в качестве «молодого доктора, недавно вышедшего из плавильни, горячего и восторженно преданного Св. Писанию».

По древнему обычаю ознаменовывать праздничные дни какими-либо академическими актами, Лютер решил высказать свои мысли и сомнения об индульгенции в праздник Всех Святых 1 ноября 1517 года, как праздник освящения университетской и замковой церкви в Виттенберге, и при этом он имел в виду возбудить спор об учении, которое, по общему мнению, содержало в себе столько спорных пунктов. О своём намерении он сообщил только Альбрехту и своему непосредственному начальнику, епископу бранденбургскому. В письме к первому от 31 октября 1517 года он жалуется на злоупотребление, производимое с индульгенциями, и на связывающееся с ними заблуждение. Он просил его совершенно отменить и уничтожить данную им и производящую смущение инструкцию своим комиссарам, где перечислялись те главные блага, которые, будто бы, доставлялись индульгенцией. В тот же день, вероятно ещё до начала богослужения, он прибил к воротам замковой церкви свои на латинском языке составленные 95 тезисов, и экземпляр их приложил к письму к Альбрехту, заметив при этом, что «из этого он увидит, какую сомнительную вещь представляет собой индульгенция, которую некоторые воображают себе как вещь совершенно несомненную».

Лютер тогда ещё отнюдь не пришёл к ясному суждению касательно индульгенций. В его тезисах поэтому его более чистое убеждение борется с проникшим в это дело заблуждением. Он старался

установить это своё более чистое убеждение и вместе с тем привести его в согласие с церковными и папскими воззрениями.

Вот главные из этих тезисов:

1) Наш Господь и Учитель Иисус, говоря покайтесь, хотел, чтобы вся жизнь верующих была покаянием.

2) Слово покаяние не может быть понимаемо о сакраментальном покаянии, то есть, об исповеди и удовлетворении, которое совершается через должность священника.

3) Но под нею не разумеется и только внутреннее покаяние; внутреннее покаяние ничто, если оно и снаружи не влечёт за собой всецелого умерщвления плоти.

…

5) Папа не может освобождать ни от каких наказаний, кроме тех, которые он сам наложил по своему собственному решению или по определению канонов.

6) Папа не может совершать никакого отпущения вины, кроме объявления и заявления, что она прощена Богом, или насколько он прощает предоставленные ему самому случаи, через пренебрежение каковых случаев вина несомненно осталась бы.

…

8) Покаянные каноны возлагаются только на живых, и по ним ничего не должно возлагать на умирающих (против чего высказывался также и Гереон).

…

11) Когда епископы предавались сну, посеян был плевел учения касательно превращения канонического наказания в муки чистилища.

…

21) Поэтому уполномоченные продавать индульгенции находятся в заблуждении, когда говорят, что через индульгенцию папы человек избавляется и спасается от всякого наказания.

…

27) По-человечески проповедуют те, которые говорят, что как только в ящике денежка зазвенит, так душа на небо полетит.

…

32) Навеки будут осуждены с своими учителями те, которые в силу индульгенции воображают себя уверенными в своём душеспасении.

33) Крайне нужно опасаться тех, которые говорят: индульгенции папы суть тот неоценённый дар, которым человек примиряется с Богом.

…

35) Не по-христиански проповедуют те, которые учат, что для откупа души не нужно сокрушения. (Затем Лютер выступает сильнее.)

36) Каждый истинно кающийся христианин имеет полное прощение греха и вины также и без индульгенции.

…

38) Но прощением папы отнюдь не нужно пренебрегать, так как оно, как говорится, есть объявление божественного прощения.

39) Учёнейшим богословам становится чрезвычайно трудно в одно и то же время восхвалять пред народом индульгенцию и истинное покаяние.

…

43) Христиан должно поучать, что тот, который даёт бедному милостыню, делает лучше, чем если он покупает индульгенцию.

…

49) Христиан должно поучать, что индульгенции папы полезны, если они не возлагают на неё своего упования, и, напротив, очень вредны, если они через неё забывают страх Божий.

50) Христиан должно поучать, что если бы папа знал о живодёрстве продавцов индульгенций, то ему лучше было бы видеть базилику ап. Петра превращённой в пепел, чем построенной из кожи и костей своих овец.

…

62) Истинная сокровищница церкви есть святое Евангелие славы и благодати Христовой.

…

69) Епископы и священники обязаны со всяким благоговением принимать уполномоченных с апостольскими отпущениями.

70) Но ещё более они обязаны тщательно заботиться о том, чтобы они, вместо того чтобы исполнять поручение папы, не исполняли своего собственного сумасбродства.

71) Кто говорит против истины апостольского отпущения, да будет анафема и проклят.

72) Но кто говорит против распутных речей проповедников об индульгенциях, да будет благословен.

…

75) Думать, что папская индульгенция достаточна даже для того, чтобы избавлять человека от вины, хотя бы он, предполагая невозможный случай, обесчестил Матерь Божью, это значит говорить в безумии.

76) Мы, напротив, говорим, что индульгенция не может отменить ни малейшего извинительного

греха, что касается виновности.

…

81) Распущенность индульгенционных проповедников делает то, что даже учёным людям становится трудным поддерживать благоговение к папе вопреки клевете или, по крайней мере, коварным вопросам мирян.

82) Именно, почему бы папе не опустошить чистилища, если он избавляет от чистилища бесконечно много душ даже за те жалкие деньги, которые собираются на построение базилики ап. Петра? Почему папа, который теперь богаче, чем богатейший Крез, не построит церкви для ап. Петра скорее на свои собственные деньги, чем на деньги бедных христиан?

…

90) Такие лукавые доводы мирян подавлять силой, а не разрешать с основанием, значит повергать церковь и папу на посмешище врагов и делать христиан несчастными».

К этим тезисам во время того же вечернего богослужения от 31 октября Лютер произнёс и проповедь об индульгенции и благодати, проповедь, которая относится вовсе не к 1518 году, как часто полагали, и в которой можно заметить дальнейшее развитие тех же мыслей.

Если обратить внимание только на то, как приняли этот шаг Лютера его церковные власти, то можно бы подумать, что это был бесследный удар по воде. Сам Лютер рассказывает, что архиепископ магдебургский совершенно не ответил на его письмо от 31 октября. Епископ бранденбургский, которому Лютер писал, как своему ordinario, и которому он послал свои тезисы, отвечал ему, что он нападает на власть церкви и причиняет самому себе много хлопот, и советовал Лютеру, чтобы он оставил это дело. «Я вполне понимаю, — говорит Лютер, — как они оба думали, что папа для меня, такого жалкого нищего, будет слишком силён». Совершенно иначе эти тезисы были приняты народом вообще. Сам Лютер говорит об этом следующее: «так вышли мои положения против положений Тецеля. Эти положения (в немецком переводе) в течение 14 дней облетели всю Германию, потому что весь мир жаловался на индульгенции и особенно на тезисы Тецеля. И так как все епископы и учёные ещё молчали, и никто не осмеливался выступать против этого дела (потому что инквизиторы ордена проповедников запугали всех страхом сожжения, и Тецель уничтожил даже нескольких священников, осмелившихся восставать против его дерзкой проповеди), то в Лютере прославляли такого именно доктора, который, наконец, осмелился выступить с протестом. Слава эта мне не нравилась, потому что, как говорят, я сам не знал, что такое индульгенция, и песня эта оказывалась слишком высокой для моего голоса». Тем не менее, свои тезисы он выставил не столько для того, чтобы сделать нападение на Тецеля, сколько для того, чтобы выяснить себе это бывшее для него совершенно тёмным дело. О нападении на папу он ещё совсем и не думал, а полагал, что папа находится на его стороне, так как он в своих декретах вполне ясно осуждал бесстыдство продавцов индульгенций, и именно потому-то его тезисы и нашли столь благоприятный приём, что тут выступал человек, католическое настроение которого стояло выше всякого сомнения, и с которым мог с доброй совестью соглашаться самый благочестивый католик. Один проповедник, который участвовал в освящении виттенбергского университета, и который предсказывал, что весь мир получит мудрость от этой «горы мудрых» (Виттенберг), когда Лютер

выставил свои тезисы, от радости вскричал: «вот, вот, он именно сделает это, тот, которого мы так долго ждали», и написал ему ободрительное письмо.

Между тем продавцы индульгенций вскоре должны были почувствовать действие этих тезисов. Тецель должен был скоро совсем удалиться, и притом с позором, из тех мест, в которых он собирал много денег. По близости к самому Лютеру, впрочем, впечатление этих тезисов было совершенно слабое. Друг его Шюрф говорил ему «что ты намерен делать? Этого не потерпят». Более всего испугались орденские братья — августинцы. Настоятель и помощник настоятеля монастыря в Виттенберге настойчиво просили его не навлекать позора на орден. Доминиканцы уже радовались, что они будут жечь не одних только еретиков, но и августинцев. В Эрфурте старшие богословы пришли в смущение от догматических тезисов Лютера. Сомнение многих высказал гамбургский богослов Крапц. Когда он незадолго до смерти (7 декабря 1517 года) прочитал эти тезисы, то сказал: «ты говоришь истину, добрый брат, но ты ничего не достигнешь. Иди, иди в твою келью и молись: Господи, помилуй меня». Лютер хотел вступить в спор со своими противниками, но никто не хотел ломать копья с ним, и все ограничивались только издевательством над ним издали. Реформатор старался утешать себя в этом отношении. На замечание Шюрфа он отвечал: «как, а если должны будут потерпеть»? Об эрфуртском богослове он сказал, что «приверженцы старого обыкновенно подозревают высокомерие у тех, кто производят новое». «Если это дело от Бога, — говорит он, — то, кто воспрепятствует ему? Если не от Бога, то кто может дать ему успех?»

Комментарии
